

IV. ИЗ ИСТОРИИ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТОМСК В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА КИЖНЕРА В. Д. Юшковский

Два города оставили глубокий след в судьбе профессора Кижнера - Москва и Томск. Привязанность к Москве объяснялась просто: там он родился, провел свое детство и юность, туда же вернулся всемирно известным ученым. С Томском было сложнее, о нем знаменитый химик вспоминал потом и с любовью, и с болью. Именно здесь он сделал два крупнейших открытия, вошедших в историю науки. Здесь полностью раскрылся его великолепный исследовательский дар. Томский период научной деятельности Кижнера был невероятно плодотворен, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что здесь он написал свыше половины своих научных работ - около сорока статей, вошедших в ведущие отечественные и зарубежные издания начала XX века. Но в Томске же ученый потерял здоровье, стал беспомощным инвалидом. Мало того, тут он, возможно впервые в жизни, столкнулся с неприкрытой подлостью, грубым произволом, несправедливостью.

Жизнь впервые поставила его перед серьезным нравственным выбором: остаться собой, сохранить верность убеждениям, либо, дорожа местом, молчаливо согласиться с тем, что глубоко чуждо. И Николай Матвеевич выдержал это испытание так же блестяще, как прежде выдерживал научные экзамены. Из Томска профессор уезжал не подавленным и не сломленным - он покидал Сибирь духовно сильным, умудренным человеком, уверенным в своей правоте и силе. Хотя... осознание правоты было единственным, что облегчало отъезд: покидать кафедру, друзей, созданную своими руками химическую лабораторию, учеников было нестерпимо тяжело и обидно. Еще тяжелее было бросать на «полуслове» научную работу — те исследования, которым надлежало подтвердить его замечательные догадки и прозрения. Отъезд не просто сказался в судьбе доктора химии, одного из талантливых ученых того времени, будущего академика - он сказался на состоянии науки. Без всякий сомнений.

В новый, дополненный словарь самого авторитетного в России энциклопедического издания Брокгауза и Эфрона статья о профессоре Кижнере была включена, когда он работал в Томске¹. Удостоиться такой чести дано было не каждому. Да и позже, в советские времена, ни одно академическое издание не обходило вниманием ученого с мировым именем, разработавшего собственный, оригинальный метод получения

углеводов². Но в Томске настоящего признания его заслуги перед наукой, можно сказать, не получили - не считая мемориальной доски на одном из корпусов бывшего Императорского технологического института. С Кижнером вышло так, как нередко бывает с крупным ученым, который становится, в некотором смысле, заложником своей славы. Его путь в науке, печатные труды известны настолько хорошо, насколько мало освещена «человеческая» сторона биографии выдающегося химика - органика — как рекомендовала его Краткая Еврейская энциклопедия³. Судьба Кижнера остается в тени его научного имени по сегодняшний день...

И меньше всего известны ранние годы ученого. По одним данным, происходил он из семьи военного фельдшера, по другим, отцом его был некий надворный советник. Окончив Первую московскую гимназию, Кижнер поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Произошло это в 1886 году. К третьему курсу окончательно определились его научные интересы: органическая химия. «Вспоминаю, с каким нетерпением я ждал первой лекции Марковникова. - писал Николай Матвеевич. - Его имя окружено было в наших глазах ореолом химического авторитета»⁴. Профессор Марковников, выдающийся ученик Бутлерова, и профессор Лугинин, руководивший практическими занятиями по химии, оба блестящие ученые, оказывали на студентов огромное влияние. Под их руководством Кижнер выполнил первые самостоятельные работы, которые легли в основу докторской диссертации. Но и сам он благодаря пылливому уму, жажде знаний, способностям к наукам обратил на себя внимание уважаемых профессоров. По их просьбе одаренный выпускник был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Осенью того же 1890 года Кижнера зачислили лаборантом «сверх штата».

В воспоминаниях Андрея Белого, одного из ярких представителей «серебряного века», фигура молодого Кижнера представлена достаточно живо и в то же время слегка гротесково. «Года два натыкался на лысого, рыжего, странно розового... очкастого человека, одетого черт знает как:

в чем-то рыже-засаленном и пережженном. Он обнаруживался нелепо у брома, в подвале, в проходе; толкнешь его здесь, там наткнёшься; он не человек, а немой инвентарь.

- Кто это?

- Кижнер.

Тогда ещё я просовывал нос в его специальную работу «О строении гексагидробензола», его же я знал по прибору... а человека под ним не заметил. Уверен: введи-ка в переднюю лаборатории бабу-ягу, поведет она носом, и скажет: «Здесь Кижнера дух: гексагидробензолом здесь пахнет».

В мое время лаборатория во многом становилась какою-то «кижнерицею», а Кижнера - нет. Тот насвистывает, этот голос подает, Кижнер - вовсе немой; проявляет себя разве тем, что толкнешь его локтем в проходе, в ответ получишь оплеуху его полотенца, с плеч развевающегося... Было бы странно узнать, что у Кижнера - дом или, боже упаси, есть жена; его дом - органическая лаборатория....»⁵.

Ирония вполне объяснима. В глазах будущего поэта, получившего специальное образование под влиянием отца, декана факультета Николая Васильевича Бугаева, человек, целиком поглощенный исследованиями, фанатично преданный науке, не мог не вызвать улыбку и сожаление. Но беглый портрет «соратника по лаборатории», надо отдать должное, был всё же сделан мастерски: «Оголтельный взгляд малых, безвеких ... глазок, точно головки притёртых двух пробочек, красненький носик, очки, рыжий растлен бороденочки, кругловатая лысинка: часть собственного прибора...»⁶. Таким, очевидно, и представал перед студентами ученик профессора Марковникова, пропадавший в химической лаборатории от зари до позднего вечера. Через три года, в возрасте 26 лет, Кижнер сдаёт магистерские экзамены, его избирают приват-доцентом Московского университета и поручают самостоятельно вести занятия со студентами. За оригинальную научную работу ему присуждают премию Бутлерова. А исследования продолжают. Защитив в Петербургском университете диссертацию, он удостоивается степени магистра химии. Подготовка второй, докторской диссертации заняла ещё пять лет. В апреле 1900 года состоялась её защита: имя Кижнера становится известным в России и за ее пределами. Обе монографии издаются отдельными книгами и имеют большой успех.

В эту пору в далеком от столице Томске завершается строительство первого за Уралом технического вуза. И харьковский профессор Ефим Зубашев, первый ректор Императорского технологического института, деятельный и преданный науке человек, начинает формировать штат служащих. На химическое отделение института, созданное при активной поддержке Менделеева, он привлекает ученых поистине знаменитых. В Томск прибывают профессор Бирон, открывший явление вторичной периодичности закона Менделеева, профессор Вейнберг, крупнейший исследователь магнетизма Земли, профессор Кулев, создавший новые лекарственные препараты, будущие академики Чижевский и Кижнер. Они едут в Сибирь, не в силах устоять перед неистовым напором Зубашева, надеясь продолжить научные исследования в новых, хорошо оснащенных мастерских и лабораториях. По тем временам Томский технологический институт был действительно оснащен не хуже, а может, даже лучше столичных вузов. Да и сама обстановка в институте, когда им руководил Ефим Лукьянович, располагала к углубленной твор-

ческой работе. Зубашев добился разрешения принимать на учебу выпускников средних технических заведений и «реалистов» - на протяжении пяти лет то был единственный в России вуз, пользовавшийся такой привилегией. В надежде, получить высшее образование, сюда устремились юноши иудейского вероисповедания со многих краев: администрация института не придерживалась, ограничений «процентной» нормы. И тому тоже способствовала твердая позиция Зубашева.

1 июля 1901 года доктора химии Кижнера «высочайшим приказом по ведомству Министерства Народного Просвещения» зачислят в штат Императорского, имени Николая второго, технологического института. Он становится ординарным профессором по кафедре органической химии. Добиваясь его перевода, директор института писал попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «Считаю своим долгом заявить, что г-н Кижнер по своим работам является одним из лучших в настоящее время специалистов по органической химии, в каковом, собственно говоря, и нуждается институт»⁷. И сам Кижнер тоже нуждался в такой работе, где бы ничто ни отвлекало от химических опытов, подготовки статей, и собственных учеников. Созданная им лаборатория была одной из лучших в института. Приборы и материалы для нее Кижнер получал из Германии, он формировал «химическую» библиотеку сборниками и журналами, которые приходили из ведущих университетских центров Европы. Здесь, в лаборатории, он проводил почти всё оставшееся от занятий время: профессор читал курс лекций студентам химического отделения и будущим геологам, руководил дипломными работами и проектами. «Моим духовным отцом был профессор Кижнер, - вспоминал о том периоде первый выпускник химического отделения Ванюков, - Он чётко относился к студенчеству и был строг в лаборатории. Руководил моей первой работой по рафинированию меди и рекомендовал ее к печати...»⁸. Очень важное откровение: назвать духовным отцом могли далеко не каждого наставника.

Тематика исследований Кижнера оставалась прежней, но в то же время определились новые направления работы. В журнале «Русского физико-химического общества», самом престижном отечественном издании «естественников», одна за другой появляются основательные, глубокие статьи по вопросам органической химии. Однако надежды на «тихую пристань», островок спокойствия и научного уединения, увы, пришлось всё же оставить. Охватившие страну «беспорядки» не могли миновать университетский Томск: начались студенческие волнения. И в этой ситуации каждому, даже далекому от политики, сотруднику вуза следовало определить позицию. Николай Матвеевич это и сделал. В анонимном донесении на имя попечителя учебного округа Лаврентьева, сохранившемся в архивах, читаем: «Вследствие студенческой забастов-

ки в институте образовались две партии... Господа Салтыков и Кижнер не устроили экзаменов, желая таким образом подрезать работающих студентов, которое против забастовки. Под влиянием этих лиц и другие профессора относились так же. Г-н Кижнер неоднократно заявлял, что его никто не может заставить экзаменовывать антизабастовщиков»⁹. Донос мало соответствовал истине - профессор Кижнер никого не преследовал за убеждения, но и не скрывал своего отношения к происходящему. Будучи членом профессорского суда, он выступал в защиту студентов, которые призывали к автономии высшей школы, ратовали за то, чтобы отградить ее от произвола чиновников.

В рукописи «О состоянии Технологического института...», что находим в материалах учебного округа, содержится более красноречивое описание «возмутительного» поведения Кижнера. «Профессор Кижнер, - сообщал некто г-ну Лаврентьеву, - по данным из вполне достоверных источников, является организатором забастовки среди профессоров и студентов, и в декабре 1905 года на сборищах и сходках в стенах института выступал с речами революционного направления, порицая, между прочим, профессоров и студентов, не сочувствующих учебной забастовке»¹⁰. И тут не обошлось без преувеличения: выступать с речами, тем более «революционного направления», Кижнер не мог, это было ему чуждо. Он вел себя, как ученый, который имеет свое мнение по любому, даже далекому от науки поводу, и не считает нужным его скрывать. Но репутация «опасного вольнодумца», как бы там ни было, закрепилась за ним прочно. В феврале 1906 года постановлением временного томского генерал-губернатора профессор Кижнер был «устранен от занимаемой должности с обязательством в течении 48 часов выехать из Томска... с воспрещением пребывать в Сибири и Степном крае на время военного положения»¹¹. Одновременно с ним лишились должности сам Зубашев, обвиненный в лояльности к «дерзким» студентам, профессор Герарди и присяжный поверенный Вологодский.

Служебная карьера опальных профессоров на том, казалось, должна была завершиться. Помог случай, За день до ареста директор института Зубашев получил от министра народного просвещения графа Толстого телеграмму с просьбой выехать в Петербург для участия в совещании по реформе высших учебных заведений. Такое же приглашение получили Кижнер и три других сотрудника института. И вот, имея предписание о высылке, оба неугодных властям профессора берут положенные по чину прогонные, едут в столицу, участвуют в совещании, а затем начинают хлопотать о собственной участи. Известие о случившемся, надо сказать, сильно озадачило графа Толстого, он обещал разобраться и помочь, но вскоре после этого сам лишился министерского поста. В Томске между тем тоже произошли перемены: во главе губернии стано-

вится барон Нолькен, что положение профессоров, впрочем, не меняет. Новый губернатор настаивает на ссылке Зубашева и Кижнера за пределы края, в Архангельскую губернию. Зубашев имел в правительственных кругах некоторые связи, и несмотря на то, что в высшей власти началась полная чехарда, сумел заручиться поддержкой многих влиятельных лиц. Сам Столыпин, вставший во главе кабинета министров, милостиво соизволил пересмотреть дело ссыльных ученых. Свою роль, вероятно, сыграло и частное письмо графа Витте томскому губернатору, и то ходатайство, с которым выступили томские профессора. Как бы там ни было, твердыня дрогнула: губернская власть разрешила-таки ученым вернуться в Томск.

Окрыленный Зубашев, который находился в это время в Москве, шлет собрату по несчастью телеграмму: «Петербург, Северная гостиница Кижнеру.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР РАЗРЕШИЛ ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ НИКАКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НО ПРОСИТ ТЕЛЕГРАММЫ СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОШУ РАССМОТРЕТЬ ВОПРОС ВОЗВРАЩЕНИИ ТОМСК ЗУБАШЕВ»¹².

Николай Матвеевич кратко телеграфирует в ответ:

«ВЫЕЗЖАЮ СРЕДУ СКОРЫМ ПОЕЗДОМ КИЖНЕР»¹³.

Чего было больше в этом порывистом возвращении - радости или печали - не известно. Всё худшее, думал он, осталось позади, но время, упущенное для науки, было смертельно жалко. На суету и волнительные хлопоты, на переписку и мучительное ожидание ушел целый год - за эти месяцы можно было столько успеть!

И Кижнер с головой уходит в науку. Для него неприятности на этом временно кончаются - Зубашева злая судьба преследует дальше. Во вверенном ему институте произошло преступление: ограблена вузовская касса, убит кассир. Среди участников грабежа был студент института. Не дожидаясь конца расследования, Ефим Лукьянович подает в отставку. Переживания сильно сказались на здоровье: бывший директор ослеп на оба глаза. Лишь спустя время он снова обрел способность видеть: зрение частично вернулось к одному глазу. Но и для Кижнера, который страдал тяжелейшим заболеванием, случившееся не прошло бесследно. Болезнь его резко обострилась — настолько, что вскоре он оказался в инвалидной коляске.

Первые признаки болезни появились через два года после приезда в Томск. Как позже, предположили врачи, причиной могли стать занятия с вредными, ядовитыми веществами, аммиаком и гидразинами. Сам Кижнер упреки в неосторожном обращении с химическими веществами не принимал: такая оплошность могла повлиять на его безукоризненную профессиональную репутацию, которой он дорожил. Но болезнь была

мучительна и опасна. В 1903 году Кижнер берет четырехмесячный отпуск с сохранением содержания и едет на лечение, которое ничуть не помогло. Через год профессор вновь был вынужден просить об отпуске. Он направляется в Москву, где тут же ложится на операционный стол: профессор Алексеев ампутирует правую ногу в нижней трети голени. Диагноз неумолим и страшен: гангрена конечностей. После операции настало улучшение, но не надолго, гангренозные язвы появились на левой ноге. Болезнь прогрессирует. И все же Кижнер старается не падать духом. Передвигаясь на костылях, он так же посещает учебные занятия, ведет коллоквиумы, вот только лабораторные исследования приходится временно: оставить. Часами простаивать за колбами и препаратами, как раньше, он пока не в состоянии. Химические опыты приостановлены, заведование лабораторией переходит другому. Болезненное состояние профессора, однако, не всех устраивало. «Профессор Кижнер никаких должностей в институте не занимает и не имеет никаких постоянных занятий»¹⁴, - раздраженно сообщает в докладной один из сослуживцев.

Не доработав до конца учебного года, Кижнер берет новый отпуск: вместе с профессором Тираспольским в марте 1905 года едет на лечение за границу. Когда они уезжают, в Томск приходит сообщение, что оба ученых по приказу государя императора награждены орденами Святого Станислава 2-й. степени. Это была не первая награда Кижнера: ещё до приезда в Томск он удостоивается ордена, получает медаль в память царствования Александра Третьего и медаль по случаю «священного коронования Их Императорского Величества» Николая Романова. Но Кижнер не знает о новом «высочайшем» признании заслуг: он проходит обследование в берлинской клинике профессора Бергмана. Вся надежда на него, европейское светило. Если кто и способен сотворить чудо, так только он. Кижнер верит в науку и доверяет профессионалам, хорошо знающим дело. Он спокоен - и успокаивает, как может, родных. Шлет из Берлина две открытки - одиннадцатилетнему сыну Борису и жене Софье Петровне. «Сегодня получил окончательное известие об экзаменах Бориса, пускай теперь сил нагуливает побольше; надеюсь, что к моему приезду он не разучится ходить пешком. Левая моя нога в полном порядке»¹⁵ - сообщает профессор. Ожидания подтвердились наилучшим образом: болезнь отступила. Дабы закрепить успех, летом будущего года Кижнер, объявленный в Томске персоной нон грата, едет туда же. Но нервное переутомление, связанное с этой тягостной историей выселения, даёт о себе знать: лечение продвигается уже не так успешно. Страшный недуг снова берет верх.

Как настоящий ученый, зарубежные поездки он обращает на пользу делу. Подбирает нужное для лаборатории оборудование, ищет приборы, покупает свежие научные журналы. Летом 1909 года Кижнер едет за

рубеж в третий и последний раз, по всей вероятности, мало веря в успех лечения. Болезнь обострилась настолько, что и несведущим в медицине стал очевиден исход. Через год ампутировали вторую ногу. Отныне профессор передвигался в инвалидной коляске, изредка вставая на протезы, чтобы войти в студенческую аудиторию на своих изувеченных ногах - хотя бы с помощью костылей. Но занятий наукой не бросил. Напротив, стал заниматься с еще большим рвением, сожалея лишь об одном: о впустую потерянном времени, цену которого по-настоящему сознают, наверное, лишь художники и ученые. «Надо удивляться его могучему духу и воле: инвалид в полном смысле слова, он продолжал экспериментально работать, выпуская одну печатную работу за другой»,¹⁶ - писал академик Арбузов. Количество опытов дало качественный скачок, эксперименты завершились блистательным открытием. Новый метод получения углеводов - метод каталитического разложения гидразинов - нашел широкое признание как в России, так и за рубежом. И мало кто знал, что открытие совершено было тогда, когда его автор утратил способность передвигаться. «Реакция Кижнера стала основой метода синтеза углеводов высокой частоты и сделала легко доступными многие новые органические соединения»¹⁷, - сообщали о том открытии. Но в мировую науку метод вошел под иным названием. Через полтора года в одном немецком журнале появилась работа известного химика Людвиг Вольфа аналогичного содержания. Опыты сибирского ученого, которые привели к тому же результату, в ней почему-то не упоминались. Ссылок на исследования Кижнера там не было, хотя этой теме он посвятил несколько статей, вышедших в журнале «Физико-химического общества». Ученый вступил в переписку. Вольф любезно ответил, что русским языком не владеет и о работе почтенного коллеги не знал. Рефераты, опубликованные в немецком издании «*Chemisches Zentral bat*», тоже остались ему неизвестны. Но приоритет Кижнера был столь очевиден, что Вольф вынужден был это признать. И тем не менее метод получил имена двух исследователей. «Здесь нам вновь приходится иметь дело с фактами, когда сознательно замалчиваются работы русских ученых», - указывал впоследствии академик Арбузов¹⁸.

Другого такая несправедливость привела бы в смятение, выбила из колеи, но Николай Матвеевич был выше честолюбивых устремлений. Он продолжал неистово, невозмутимо работать. И год спустя заявил о себе еще одним открытием: «был найден новый, крайне плодотворный метод синтеза углеводов ряда циклопана. Метод открыл новые широкие возможности для синтеза бициклических углеводов»¹⁹. Эта «реакция Кижнера», как и предыдущее открытие, вошла во все, без исключения, химические справочники и энциклопедии, а сам ученый через некоторое время был удостоен весьма престижной Большой Бутлеров-

ской премии. Открытие датировано 1912 годом. В июле того же года доктор химии профессор по кафедре органической химии технологического института статский советник Кижнер был «уволен от службы согласно приказа»²⁰, а через год покинул город навсегда. Томск, как случилось не раз, лишился известного на весь мир ученого. Или, лучше сказать, избавился от него, чтобы... полвека спустя увековечить его имя на мемориальной доске.

Нездоровье профессора не могло не сказаться на учебном процессе. Во время его вынужденных поездок лекции и занятия по органической химии прекращались вовсе либо проводились от случая к случаю. К тому же сама процедура увольнения в отпуск выполнялась не всегда должным образом, на что сердито указывал попечитель учебного округа Леонид Лаврентьев. Он требовал, дабы директор института «ограждал интересы преподавания и не останавливался перед подачей особых мнений, где того требует долг службы»²¹. Однако найти достойную замену профессору Кижнеру было непросто, в институте это понимали, и что означает «особое мнение», тоже, в общем, догадывались. Последующие события - студенческие волнения, репрессии против Кижнера и других профессоров - подтвердили худшие опасения. Независимость суждений, открытое пренебрежение к бюрократической системе, человеческое достоинство — всё это невероятно раздражало чиновничью власть. И она ждала повод, чтобы излить свое раздражение, но Кижнер, известный ученый и превосходный преподаватель, такого повода ей «упрямо» не давал. Отношения со студентами: у него были равными и абсолютно не зависели от политических взглядов романтически настроенных юношей. Со студентами, вспоминают, профессор был строг, что не мешало ему пользоваться непоколебимым авторитетом и уважением. Ибо за внешней строгостью, все видели, скрывалась отеческая забота и неравнодушные. Бывали случаи, когда профессор входил в положение студентов и шел им навстречу, вопреки бездушным инструкциям. Только благодаря ему, скажем, смог завершить образование Яков Грин, оказавшийся в сложной ситуации: его отец, купец Даниил Грин, был разбит параличом и в отчаянии покончил жизнь самоубийством, оставив семью фактически без средств к существованию. Студент вернулся домой, где провел почти два года, а затем обратился к Кижнеру с письмом, попросив выставить зачет по органической химии, поскольку «каждый зачет теперь всё ставит на карту». «Вполне сознавая, что с моей стороны очень дурно беспокоить Вас частным письмом, я тем не менее рассчитываю на снисхождение»²², писал студент из Мариуполя. И не ошибся: просьба его без внимания не осталась. Надо ль говорить, что такого рода поступки укрепляли репутацию Кижнера, как человека глубоко порядочного и не чуж-

дого «снисхождению». Каковое качество, в конце концов, стоило ему должности.

Газета «Сибирская жизнь» в одном из апрельских номеров 1912 года поместила заметку о нравах и невежестве юрьевских студентов, что показалось оскорбительным представителям томской высшей школы. В седьмом часу вечера в редакцию - угол Дворянской и Ямского переулка - «явилась группа лиц в форме студентов-технологов... которые рекомендовали себя официальными представителями академистов»²³. Они вели себя вызывающе грубо, а один из них, студент Голубев, избил тростью члена редакции присяжного поверенного Бейлина. Случай имел огласку: в считанные часы весть облетела весь город. «Представители адвокатуры, профессеры и общественные деятели явились на квартиру Михаила Рафаиловича, чтобы выразить соболезнование и возмущение»²⁴ по поводу происшествия, в коем усмотрели посягательства на свободу слова и черносотенную выходку. Узнав о поступке студентов своего института, профессор Кижнер написал гневный протест и передал его в редакцию. Письмо было опубликовано на следующий день, 18 апреля. «Оскорблен не столько Бейлин (кто будет оскорбляться на бешеную собаку, если даже она причиняет вам смертельные ранения!), сколько вся высшая школа, в которой появилась эта гнойная язва студенчества. Язва, которая имеет дерзость называть себя академической корпорацией... Со словом «академист» теперь связывают представление не о студенте, преданном науке, а о погромщике с резиной или дубиной в руке, а иногда и с револьвером»²⁵, - писал Кижнер. В том же номере на событие откликнулись профессор Обручев, помощник присяжного поверенного Шатилов и другие. Их выступление «взяли на карандаш», что имело печальные последствия. Пострадал по службе Михаил Шатилов - будущий создатель Томского краеведческого музея, крупный этнограф. Владимир Афанасьевич Обручев, будущий академик и автор знаменитых романов, был вынужден оставить вуз и уехать, из города. Увы, и судьбу Кижнера его выступление повернуло достаточно круто. Хотя письма и телеграммы с осуждением выходки «просвещенных представителей местных реакционеров», как бы там ни было, продолжали поступать и печатались на протяжении месяца. Телеграммы из Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Таганрога, Костромы и Семипалатинска. Сообщения из Омска, Иркутска, Барнаула, Читы и даже далекого Харбина. Письма от вузовских сотрудников и представителей землячеств, от журналистов и издателей. С выражением сочувствия г-ну Бейлину выступил даже влиятельный и степенный Совет старейшин Томского Общественного собрания. «Сожаление по поводу происшедшего случая»²⁶ выразил также глава института Карташов, дав указание «расследовать происшествие на предмет предания г. Голубева профессорскому дисциплинарному суду».

Но бюрократический аппарат учебного округа был неумолим: Кижнеру предложили оставить профессорскую должность.

«В своем письме, г. Кижнер не только выражает сочувствие лицу, пострадавшему от оскорбления, нанесенного действием, на что он имеет, конечно, полное право, но позволяет себе наносить гнусное оскорбление всей академической корпорации вообще, называя её «гнилой язвой студенческой жизни», а студентов-академистов - погромщиками. Такое заявление профессора об академической корпорации студентов, помимо его полной неосновательности по существу и резкой по форме, не может не оказать вредного влияния на учащуюся молодежь, возбуждая одну часть студенчества против другой»²⁷, - указывал директору института попечитель учебного округа Лаврентьев. Он требовал «поставить на вид профессору Кижнеру его неосторожный и мало обдуманый поступок, и спросить его, не пожелает ли он перейти на службу в другое высшее учебное заведение, в котором нет ненавистных ему академистов». Это было неприкрытое давление на ученого, выбранного институтским советом. Требование, выходящее за рамки должностных возможностей попечителя округа. И Кижнера это, безусловно, возмутило. Он пишет рапорт на имя его превосходительства г-на директора института, где с достоинством отстаивает свою позицию. Ответ ученого убедителен и точен, как «манифест подлинной, беспартийной науки». Он пишет: «В аудитории и в лаборатории... находятся не представители того или иного политического течения, а студенты, ищущие знания. И кто же может мне бросить, упрек, что я в своей педагогической деятельности отношении к студенчеству ставил в зависимость от политического направления? Наука беспартийна, а дробление студентов на различные политические течения - кадеты, академисты и другие - никакого отношения к высшей школе не имеет...»²⁸. Формально государственный служащий, каким был Лаврентьев, обязан был думать так же, и никаких претензий к ученому иметь, вроде бы, не мог. Но обида, с которой попечитель вступился за честь «корпорации», была «личного свойства» - и этим, надо полагать, объясняется столь гневный тон его посланий. В письме Кижнера он усмотрел обвинение в свой собственный адрес - и возмущению его не было предела. Получив рапорт, он снова пишет директору института: «Профессор Кижнер имел НЕСЛЫХАННУЮ, возмутительную дерзость в печатном органе оскорбить научную корпорацию. Этот поступок, заслуживающий самого глубокого порицания, поставлен был мною на вид г-ну Кижнеру»²⁹. И дальше звучит фраза, которая всё ставит на свои места. Лаврентьев объясняет, что требование отставки продиктовано «заботой» о благе самого профессора, коего оскорбленные академисты с полным основанием могут избить, как Бейлина («сии последние имеют полное право потребовать удовлетворения за

нанесенное оскорбление... это совершенно естественно»³⁰. Выходило, что чиновник министерского округа не просто берет под защиту черносотенцев, но и благословляет их на новый «подвиг», вполне естественный в его глазах. Яснее сказать было невозможно. Оставаться работать под началом ТАКОГО сановника профессор не мог: 2 мая 1912 года он подал прошение об отставке «по состоянию здоровья», а через месяц уже был уволен и получил полный расчет.

Для институтских коллег, имевших представление о подлинных причинах отставки, случившееся не было полной неожиданностью. Повлиять на решение они вряд ли могли, но постарались удержать ученого, пребывание которого делало честь любому, даже столичному, вузу. Совет института принялся хлопотать, чтобы Кижнеру разрешили читать курс лекций по органической химии в следующем учебном году. Так в министерстве, где Кижнера знали, получили известие об его уходе. На министерском бланке за подписью главы департамента общих дел приходит депеша с просьбой разъяснить эту странную ситуацию: что произошло? Оставил ли профессор службу по собственному желанию «вследствие болезненного состояния» или его к тому вынудили? Ведь «подобное предложение не могло, казалось бы, исходить от попечителя учебного округа без ведома министерства»³¹. Ничуть не смущаясь, его превосходительство попечитель отвечает на это следующее: «Никакого предложения господину Кижнеру о подаче им в отставку мною сделано не было, да и не могло быть сделано, так как на сие я не имею ни малейшего права»³². Что ж, откровенная ложь всегда шла рука об руку с подлостью. Министерство такой ответ, видимо, устроил, в институт поступает распоряжение: профессору Кижнеру разрешить преподавание курса «из платы по найму», но с условием, что он оставит институтскую квартиру, которая помещалась в том же учебном корпусе. Передвигаться на протезах из квартиры в аудиторию сорокапятилетнему инвалиду было неимоверно тяжело. Требование снять жилье вне институтского здания в этих условиях было равносильно воспрещению преподавательской деятельности. Сознавая это, Совет института снова шлет в министерство запрос, и вновь Всесильная Инstrukция оказалась сильнее. Профессор оставил служебную квартиру, перебрался с семьей под чью-то кровлю, и все же занятия со студентами продолжил. К тому периоду относится его статья «о совместимости окисления предельных и непредельных углеводородов». Он пишет крупную работу по нефти, где в числе первых высказывает гипотезу относительно её неорганическом происхождении, ссылаясь последние научные изыскания в области геологии и химии. Его толкование процессов образования нефти, по существу, не отличается от мнения, которое господствует в современной науке, хотя было высказано без малого сто лет назад³³. И в других случаях его научная

прозорливость свидетельствовала о себе достаточно красноречиво, его редкий научный дар не вызывал сомнений даже у недоброжелателей, но блистательные эти качества не помогли продолжить работу. Оставив учеников (Хонин и Алексеев - будущие томские профессора), лабораторию и любимое дело, Николай Матвеевич покидает Томск.

В 1914 году он возвращается в столицу, устраивается в Московский городской университет имени Шанявского, и работает там вплоть до революции. Но уже без видимых творческих взлетов, продолжая осваивать научный багаж, который подготовлен был в Томске. Позже, правда, на основе прежних и новых изысканий ему удалось разработать метод получения органических красителей, что оказалось востребовано новой властью. Его приглашают в институт органических полупродуктов и красителей, занимавшийся созданием отечественной анилинокрасочной промышленности. Там профессор, ставший почетным членом Академии Наук, и трудится до конца своих дней. Умер Николай Матвеевич, как истинный ученый - в лаборатории во время химических опытов. За неделю до дня рождения: в декабре 1935 года ему бы исполнилось 69 лет.

---

¹ Новый энциклопедический словарь. Под ред. академика К. Арсеньева. АО «Издательское дело Брокгауз-Ефрон». СПб., 1915. Т. 21. С. 545.

² Большая советская энциклопедия. М., 1953. 2-е изд. Т. 20. С. 608; Большая советская энциклопедия. М., 1973. 3-е изд. Т. 12. С. 102.

³ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. С. 997.

⁴ Профессора. Томского политехнического университета. Изд-во ТПУ, 1998. Т. 1. С. 113.

⁵ А. Белый. На рубеже двух столетий. М.-Л., «Земля и фабрика», 1930. С. 42.

⁶ Там же.

⁷ ГАТО ф. 194, оп. 6, д. 58, л. 37.

⁸ Профессора ТПУ. Указ. Соч. С. 114.

⁹ Ломов Н.И. К биографии Н. М. Кижнера. – В кн.: Труды ТГУ. Томск, 1954. Т. 126, С. 73.

¹⁰ Там же. С. 74

¹¹ Там же.

¹² ГАТО ф. 194, оп. 6, д. 58, л. 55.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. л. 59.

¹⁵ Сибирская старина. Томск, 1995, №9. С. 27.

¹⁶ Арбузов А. Е. Краткий очерк развития органической химии в России. Ленинград, Изд-во АН СССР, 1948. С. 134.

¹⁷ Яновский В. А. Великие алхимики // Томский политехник. 1999. Вып. №5. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Профессора ТПУ. Т. 1. С. 115.

²⁰ ГАТО ф. 1, оп. 94, д. 58, л. 62.

²¹ Там же. Л. 78.

²² ГАТО ф. 194, оп. 4, д. 88, л. 9.

-
- ²³ Сибирская жизнь. 1912, 17 апреля.
²⁴ Там же.
²⁵ Сибирская жизнь. 1912, 18 апреля.
²⁶ ГАТО ф. 194, оп. 1, д. 123, л. 21.
²⁷ ГАТО ф. 194, оп. 6, д. 58, л. 64.
²⁸ Там же. Л. 65.
²⁹ Там же. Л. 67.
³⁰ Там же.
³¹ ГАТО ф. 126, оп. 4, д. 11, л. 99.
³² Там же. Л. 100.
³³ Кижнер Н.М. Исследования в области органической химии. М., Изд-во АН СССР, 1973. С. 291.